

Дискуссии и обсуждения

Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРОЭТНОГРАФИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Агроэтнография — одна из самых молодых, но в то же время самых перспективных и важных отраслей этнографической науки. Сельскохозяйственные культуры, земледельческие орудия и агротехнические приемы занимают, как известно, очень важное место в системе производительных сил человеческого общества, по крайней мере начиная с периода неолита. Для большинства народов нашей планеты земледелие с глубокой древности до наших дней является основным видом хозяйственной деятельности. Понятно поэтому, что появление каждой новой работы по агроэтнографии привлекает внимание и вызывает живой интерес у этнографов, археологов и всех других исследователей, интересующихся социально-экономической и культурной историей человечества.

С этой точки зрения можно приветствовать опубликование статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»¹. Авторы этой статьи справедливо указывают, что изучение техники и технологии земледелия должно вестись с учетом тех естественно-географических и социально-экономических условий, в которых жили на разных этапах своего исторического развития земледельческие народы. В то же время Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков упрекают зарубежных, а отчасти и советских исследователей в области агроэтнографии в том, что они, придавая слишком большое значение этнической специфике, «не всегда избегают проторенных дорог формально-типологических классификаций и упрощенных схем истории развития земледельческой техники»². Под такими «формально-типологическими классификациями и упрощенными схемами» авторы указанной статьи понимают, по-видимому, стремление этнографов связать историю земледельческой техники с этнической историей ее создателей и наметить особенности агротехники, характерные для тех или иных этнических общностей.

В действительности нет никаких оснований противопоставлять агротехнические особенности, связанные с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни разных народов, тем особенностям, которые являются в той или иной степени этнически специфичными. Этническая специфика или, лучше говоря, этническая традиция всегда складывается в конкретной социально-экономической и экологической обстановке развития народов в разные исторические периоды. Традиция эта приобретает известную устойчивость и сохраняется некоторое время тогда, когда условия жизни народа изменяются. Это не значит, конечно, что этническая традиция вообще остается неизменной.

¹ См. «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 80—92.

² Там же, стр. 81.

Однако темпы ее изменений обычно отстают от темпов социально-экономического развития тех народов, которые ее в свое время выработали.

Значение для истории земледелия социально-экономических и экологических условий жизни разных народов, а также этнических традиций, развившихся в этих условиях, можно хорошо показать на материалах по агроэтнографии Юго-Восточной Азии. Рассмотрение этих материалов целесообразно начать с вопроса о сельскохозяйственных культурах.

Крупнейший советский исследователь в области биологии, генетики и агрономии Н. И. Вавилов среди пяти основных очагов происхождения культурных растений выделил очаг, включающий Юго-Восточную Азию, горный Китай, Японию, Непал и примыкающие районы³. Американский исследователь К. Сауэр высказал даже мнение о том, что наиболее древний очаг земледелия — в Юго-Восточной Азии⁴. Возможно, что в этом он неправ, но тот факт, что народы Юго-Восточной Азии в глубокой древности самостоятельно перешли к земледелию, не вызывает сомнений.

В специальной ботанической литературе широко распространено и достаточно обосновано мнение о том, что рисоводству в Юго-Восточной Азии предшествовало возделывание клубне- и корнеплодов. Богатый этнографический материал подтверждает эту точку зрения: примитивные посадки таро и ямса у собирателей, постепенно переходящих к земледелию, таких как семанги, отсутствие рисоводства у некоторых замкнутых земледельческих групп, почитание клубне- и корнеплодов у рисоводов как магических растений, обеспечивающих на поле произрастание риса, использование клубне- и корнеплодов в погребальных обрядах и т. п.⁵ Закономерна также та точка зрения, согласно которой первоначальное возделывание растений в Юго-Восточной Азии было освоено вегетационным, отростковым способом. На наш взгляд, это было связано с тем, что клубне- и корнеплодные растения сохранялись после пожаров. Вместе с этими растениями после пожара выживали и другие полезные человеку луковичные растения, прежде всего ирисовые (касатиковые). К ним относятся имбирь, шафран, ирис и кардамон. Эти растения, употребляемые как специи и лекарства, ассоциировались у ранних земледельцев с выращиванием основных пищевых культур и у ряда современных земледельческих народов также стали рассматриваться как магические растения. Наличие или отсутствие таких растений в земледельческой культуре того или иного народа может свидетельствовать о давности у него земледелия.

Большое значение в плане этногенетических проблем имеет тот факт, что рисоводство не было известно океаническим народам вплоть до современной эпохи⁶. Расселение предков микронезийцев и полинезийцев, которое шло, по последним данным, через Филиппины, относится к тому периоду, когда на Филиппинах культура риса еще отсутствовала. Она попала туда, по-видимому, только с поздненеолитической миграцией, оставившей позднее на Филиппинах археологический комплекс Каланай (хронологически восходящий к 500 в. до н. э.)⁷.

³ Н. И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений, «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, 1926.

⁴ C. O. Sauer, *Agricultural origins and dispersals*, New York, 1952, стр. 25—26.

⁵ На основании ботанических и историко-культурных данных это мнение хорошо обосновано А. Кремером (A. Krämer, *Der Taro und die Nasskultur*, «Petermanns Mitteilungen», 74 Jahrg, 1928).

⁶ Известно лишь о занесении культуры риса в более отдаленные времена на Марианские острова в Микронезии.

⁷ W. Solheim II, *The archaeology of Central Philippines*, Manila, 1964, стр. 193—206.

Наряду с клубне- и корнеплодами на первом этапе земледелия в Юго-Восточной Азии культивировались, по-видимому, злаковые культуры, которые также предшествовали рису. Касаясь истории зерновых культур в Юго-Восточной Азии, Р. Гейне-Гельдерн в 1923 г. высказал предположение, что просо могло предшествовать рису⁸. Это мнение затем было подкреплено другими авторами. Действительно, чумиза (*Setaria italica*) выращивалась в одном из древнейших очагов земледелия Восточной Азии — области распространения культуры Яншао. В Юго-Восточной Азии у некоторых народов этот вид проса играет основную роль в земледелии, как, например, у чинов в Бирме. Широко распространены и другие просяные культуры — *Sorgum vulgare*, *Eleusine coracana* и др. Высказывается также мнение о глубокой древности в Юго-Восточной Азии другой зерновой культуры — «иевлевых слез» (*Coix lacryma Jobi*)⁹. Она культивируется у мяо, ламет, нага, даяков, тораджа, высевается вместе с рисом в Малайе; известна она также в Индии и Меланезии; как основная культура «иевлевых слезы» представлена у нескольких групп нага (чанг, имсангр и кало-кенью).

Археологические данные подтверждают распространение проса у неолитических рыболовецких народов Юго-Восточной Азии, изготовлявших специальный жатвенный нож из раковины. Он известен и по этнографическим материалам на Филиппинах и на архипелаге Рюкю. Генетически к нему восходят жатвенные кольца с о. Нияс и о. Калимантан¹⁰.

Сельскохозяйственные культуры не являются исходно чем-то этнически специфическим. Однако в силу конкретных исторических и природных условий, а также формирования пищевой традиции на определенной стадии социально-экономического развития, особенно в небольших изолированных группах, они могут стать этнически характерными. В Юго-Восточной Азии в зоне широкого распространения рисосеяния сохраняются некоторые этнические группы, издавна возделывающие в подходящих для риса условиях корне- и клубнеплоды. Например, таро и ямс до сих пор являются почти единственными культурами на островах Нияс, Ментавей и Энгано; таро — у коньяк-нага; таро или заменивший его батат преобладают у некоторых групп на Калимантане, у кхаси Ассама, ифугао Лусона, букиднонов Минданао; «иевлевые слезы» — у некоторых групп нага (кало-кенью) и т. д. Часто при наличии риса как основной культуры какой-либо земледельческий народ предпочитает высевать определенные второстепенные культуры, отказываясь от других. Так, например, апатани, живущие на крайнем северо-востоке Индии, которым известно просо *Setaria italica* и *Sorgum vulgare*, выращивают только *Eleusina coracana*, тогда как соседние дафла и мири выращивают первые два вида¹¹. Аналогичным образом просо у седангов во Вьетнаме стоит на втором месте после риса, а соседние банар до недавнего времени не сеяли проса из суеверного страха.

⁸ R. Heine-Geldern, Südostasien. In: G. Buschan, Illustrierte Völkerkunde, Bd. II, Stuttgart, 1923, стр. 805.

⁹ J. F. Dastur, Useful plants of India and Pakistan, Bombay, s. a. стр. 89; N. Adriani en A. Kruijt, De Bare's — spekende Toradia's van Midden — Celebes, v. II. Batavia, 1912, ch. XXIII; K. J. Pelzer, Pioneer settlement in the Asiatic Tropics, New York, 1945, стр. 8.

¹⁰ N. Kokubu, The prehistoric Southern Islands and East China Sea areas, «Asian Perspectives», v. VII, № 1—2, 1963, стр. 224—243. M. Colani, Origine et évolution du conteau de moissonneur, «Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East», Singapore, 1938, passim.

¹¹ Ch. Füren-Haimendorf, The Apa Tanis and their neighbours, London, 1962, стр. 33.

Широкое распространение риса в Юго-Восточной Азии, по-видимому, началось не раньше середины II тыс. до н. э. Однако этот процесс был весьма длителен. У многих народов сохранились даже предания о заимствовании возделывания риса у соседей. Так, у ва в Бирме это связывается с походами Чжу Гэ-Ляна (III в. н. э.); у стиенгов в Южном Вьетнаме — рис стал выращиваться только в начале XIX в.

В науке нет еще единого мнения по поводу сравнительной древности поливного или суходольного риса. Некоторые исследователи даже считают, что для культуры риса свойственна достаточно большая приспособляемость к количеству влаги и что нет особой связи сортов риса с богарной или орошаемой почвой¹². Поэтому вряд ли правомерно столь определенно связывать эти разновидности риса с конкретными народами, как это часто делается зарубежными исследователями.

Большее историко-этнографическое значение имеет распространение клейких и неклеяких сортов риса среди различных народов. Исторически в Индокитае сложилось преимущественное возделывание клейких сортов риса у лао в Лаосе, Северном и Восточном Таиланде, а также у соседних тайских и мон-кхмерских народов (лу, ламет, кхму и др.). Собственно тай (кхонтаи), возделывающие обычный рис, в названии «лао» видят прежде всего специфику питания этого народа — клейкий рис.

Заслуживает внимания тот факт, что культивация пшеницы, занимающей большие площади в Индии, не распространилась в сходных климатических условиях в соседних странах Индокитая и всей Юго-Восточной Азии¹³.

У народов, сравнительно поздно переселившихся в Индокитай из более северных районов, заметную роль в хозяйстве играет гречиха. Это относится к тайским народам и мяо, к северным мару, лаши, лису, северным лаху¹⁴.

В более позднюю эпоху, на основе развития уже экономической специализации, для отдельных народов становится характерным производство особых товарных культур. Это можно сказать о палаунах в Бирме, специализировавшихся в последние 2—3 столетия на производстве чая, о народе тин с той же культурой в Таиланде, о некоторых группах мяо с их специализацией на возделывании опиумного мака, о багобо на Филиппинах, известных выращиванием абаки (*Musa textilis*).

Конечно, сельскохозяйственные культуры нельзя связывать исключительно с одним народом. Но можно сказать определенно, что, например, таро и ямс, первоначально domesticiрованные древнейшим населением Юго-Восточной Азии¹⁵, стали характерными для самых ранних волн аустрических (мон-кхмерских и малайско-полинезийских) народов.

В особенности же это касается той волны малайско-полинезийских (аустронезийских) народов, которая шла через Филиппины и не знала еще рисосеяния. У полинезийцев таро стало специфичной культурой, оно пронизало весь их быт, отразившись даже в мифологии. То же самое

¹² R. E. Leach, Some aspects of dry rice cultivation in North Burma and British Borneo, «The Advancement of Science», v. VI, № 21, 1949, стр. 27; J. Spencer, The migration of rice from Mainland South-East Asia into Indonesia. «Plants and the Migrations of Pacific peoples. A Symposium», Honolulu, 1963, стр. 83—89.

¹³ P. L. Pendleton, Thailand, New York, 1963, стр. 178.

¹⁴ H. E. Kauffmann, Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma, «Zeitschrift für Ethnologie», 1934, № 1—3, passim.

¹⁵ Это население антропологически принадлежало к восточным (австралоидным) группам большой экваториальной расы и, по-видимому, говорило на языках, типологически сходных с папуасскими или северохальмахерскими. Н. Н. Чебоксаров, В. Р. Кабо, Первоначальное заселение и древнейшая этническая история, «Народы Юго-Восточной Азии», «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1966, стр. 35.

произошло на о. Ниас, Ментаvei и Энгапо, для которых таро весьма характерно, и отличает их от соседних народов Индонезии.

Древнейшим австралоидным насельникам Юго-Восточной Азии принадлежит скорее всего и приоритет в доместикации различных плодовых деревьев (банана, кокосовой пальмы, манго, хлебного дерева и др.). Эти растения вряд ли были введены в культуру предками аустрических, дравидских, индо-арийских и китайско-тибетских народов, которые формировались в более северных районах.

Вместе с тем, весьма вероятно, что распространение в Юго-Восточной Азии просяных культур, сыгравших большую роль в яншаоском очаге земледелия, шло одновременно с расселением предков аустрических народов, частично и китайско-тибетских.

Для культуры риса знаменательно то, что первые волны аустронезийцев её не знали. Рис не был также характерен для древнего земледелия на севере Китая. То же самое относится и к Мохенджо-Даро — самому раннему очагу развитого земледелия в Индии. Следовательно, рис не был введен в культуру предками дравидов, индо-арийцами Индии и предками китайцев (ханьцев). Распространение культуры риса, которое произошло позднее, чем распространение культуры проса, было связано с расселением аустроазиатских (мунда и мон-кхмерских), а затем аустронезийских народов. Из китайско-тибетских народов очень рано культуру риса освоили южные тибето-бирманцы и тайские народы. Китайцы (ханьцы) заимствовали рис от автохтонных народов Южного Китая. Распространившись, рис стал характерен для большинства народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Современную культуру всех этих народов нельзя понять и осмыслить без изучения связанных с рисосеянием характерных навыков и особенностей быта.

Из всех разнообразных форм земледелия в Юго-Восточной Азии мы остановимся только на наиболее важных. Широкое распространение до сих пор имеет в данном регионе подсечно-огневое земледелие. Есть много оснований, чтобы видеть в этой системе наиболее древнюю форму земледелия в Юго-Восточной Азии. Для этой системы характерно то, что отсутствует первичная обработка земли непосредственно человеком. Освобождение земли от срубленной дикорастущей растительности, уничтожение сорняков, вредных насекомых и размягчение почвы производится огнем.

Топор и другие орудия рубки леса не являются специфично земледельческими орудиями и рассматриваться здесь не будут. С земледелием связан кол, до сих пор широко распространенный у народов Юго-Восточной Азии. Это очень древнее орудие, восходящее к собирательской палке-копалке. Традиция его применения была закреплена еще на стадии клубне- и корнеплодного земледелия и сохраняется у многих народов, практикующих подсечно-огневую систему, несмотря на то, что посадка с его помощью злаковых мало оправдана. Простота этого орудия не допускает больших вариаций. Однако даже в нем наблюдаются некоторые локальные различия, присущие отдельным народам. Так, например, для народа багобо весьма характерно укрепление на верхнем конце кола особых трещеток из двух половинок бамбука, декорированных перьями¹⁶. Звуки, издаваемые этими трещетками, ритмизируют процесс коллективного труда. У других народов Юго-Восточной Азии аналогичную роль выполняют барабаны.

¹⁶ F.-C. Cole, The wild tribes of the Davao district, Mindanao, «Field Museum of Natural History, Anthropological series», v. 12, Chicago, 1913, стр. 304.

Особое внимание нужно обратить на локальное применение при посадке одним сеятелем (мужчиной) сразу двух колов вместо одного. Этот способ в Индокитае зафиксирован только у стиенгов. В Индонезии он бытует на о-вах Серам и Сумба. Встречается он также в ограниченных районах на Новой Гвинее¹⁷. Некоторые способы сева могут быть характерными только для одного или нескольких народов. Так, в Индокитае у народа куи женщины, идя следом за мужчиной, делающим углубления, сеют рис через бамбуковую трубку; ближайшим соседям их, для которых характерна та же система земледелия, этот способ неизвестен. Гаро и некоторые группы нага (сема, ангами) заделывают семена с помощью граблей¹⁸. Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о большом многообразии и этнической специфичности многих приемов ручного земледелия и связанных с ним орудий труда. Как и в других сферах хозяйственной деятельности, эта специфичность проявляется преимущественно в деталях устройства тех или иных орудий и в особых приемах труда.

На поздних стадиях подсечно-огневого земледелия для прополки начинают применять мотыги, которые также используются иногда для частичного рыхления почвы. Развивающийся в районах интенсивного выжигания процесс распространения травянистых саванн, особенно в Восточном Индокитае, на Филиппинах и в Восточной Индонезии, способствует тому, что на смену лесному земледелию приходит более интенсивная культивация постоянных земельных участков с помощью мотыги. Для Юго-Восточной Азии показательно, что процесс этот принял наиболее выраженные формы лишь в последние два столетия. При этом мотыги распространяются, естественно, железные. Мотыжное земледелие такого типа в Юго-Восточной Азии развито преимущественно в обезлесенных областях. Так, в последние десятилетия тяжелая мотыга попала к тоба-батакам от китайцев, работавших на голландских плантациях¹⁹.

Широкое распространение мотыги связано с применением железа. Старое представление о широком бытовании каменных мотыг нуждается в пересмотре. Каменные шлифованные орудия применялись главным образом при обработке дерева, а не при рыхлении почвы. Древнейшие мотыги, надо думать, были деревянными. До последнего времени орудия такого типа сохранились, например, у апатани, у которых они только в последние десятилетия были вытеснены железными мотыгами²⁰. Для этого народа очень характерно сочетание использования мотыг с развитым орошаемым земледелием.

Можно предполагать, что у некоторых народов Юго-Восточной Азии развитие ручного земледелия было связано не с применением мотыг, а с использованием в качестве бороздящих орудий сажальных колов или сучьев, а позднее железных прутьев, как это наблюдается у горнокхмерских народов Южного Вьетнама²¹.

¹⁷ H. Damm, *Form und Anwendung der Feldgeräte beim pfluglosen Anbau der Ozeanier*, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», II, Berlin, 1945, стр. 50.

¹⁸ Н. Е. Кауфманн, Указ. раб., стр. 93.

¹⁹ B. J. Hagreis, *Ladangbouw*, «Tijdschrift der Vereeniging van Landbouwonconsulenten in Nederlandsch-Indië», D. VI, 1930/31, стр. 67.

²⁰ Ch. Fügler-Haimendorf, Указ. раб., стр. 33.

²¹ А. И. Мухлинов. Народы Вьетнама, «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 159; Н. Н. Bartlett, *Fire, primitive agriculture, and grazing in the tropics*. In: «Man's role in changing the face of the Earth», Ed. by W. L. Thomas, Chicago, 1956, стр. 704.

Усовершенствование сажального кола привело, очевидно, к появлению различных типов заступообразных орудий с упором для ноги. Индонезия дает больше всего примеров применения орудий такого типа. Так, минангкабау обрабатывают свои подсечноогневые поля мотыгой и заступом. Рыхлящий кол с упором для ноги распространен в Восточной Индонезии²². Гораздо реже заступ встречается в Индокитае. Его используют наряду с мотыгой кхму в Лаосе²³. Очень ярким примером выработки специфического орудия этого типа может служить новозеландское кахеру, в высшей степени характерное для маори²⁴.

С усовершенствованием ручного земледелия связано также широко распространенное в Юго-Восточной Азии рыхление заливных полей путем «топтанья» их копытами прогоняемых буйволов. Этот способ подготовки поля известен у разных народов Индокитая (качинов, мнонгов, банар, у кхонтаи на Малакке), у ли о. Хайнань, во многих районах Индонезии (гайо, батаки, даяки-мурут), у калингов и бонтоков на Филиппинах и др. Есть все основания предполагать, что этот способ земледелия восходит к сельскохозяйственным традициям оседлых рыболовецких народов Юго-Восточной Азии. Определенной его чертой является ассоциация с возделыванием злаковых культур.

Пашенное земледелие имеет в Юго-Восточной Азии сравнительно позднее происхождение, относящееся к рубежу нашей эры. По-видимому, именно оно вызвало широкое распространение ирригационного рисосеяния. Если сам этот вид земледелия развился в Юго-Восточной Азии на месте заливного непашенного земледелия, создателями которого были оседлые рыболовецкие группы, относящиеся к автохтонному монкхмерскому и аустронезийскому населению, то пахотные орудия проникли в Юго-Восточную Азию, вероятнее всего, извне. В этой связи встает вопрос о двух очагах пашенного земледелия, которые могли оказать влияние на Юго-Восточную Азию — южноазиатского в долинах Инда и Ганга и восточноазиатского в бассейне Хуанхэ и прилегающих районах. Историко-этнографические данные показывают, что связанные с орошаемым рисоводством пахотные орудия большинства народов Индокитая и Индонезии по своим конструктивным особенностям и способу употребления очень сходны с легкими ралообразными плугами Индии и резко отличаются от тяжелых подошвенных плугов северной части Восточной Азии.

Хронологически более ранним было распространение в материковой части Юго-Восточной Азии пахотного орудия, называемого обычно в литературе плугом «индийского» типа, для которого характерна слабонаклонная прямая рассоха и накладной лемех, а также парная упряжка тягловых животных. Это орудие распространилось в близлежащих к Индии районах материковой Юго-Восточной Азии — в Бирме и в других местах Индокитая, испытавших древнее индийское влияние, а также в Индонезии. Плуг (точнее рало) так называемого «южнокитайского» типа возник лишь в ханьское время у некитайских народов современного Южного Китая, прежде всего у тайских и других народов южной части Восточной Азии.

Само появление плужного земледелия с применением крупного рогатого скота как тягла в Восточной и Юго-Восточной Азии, согласно хорошо обоснованной гипотезе Г. Коте, имело одной из предпосылок развитие специализированных ручных орудий, в первом районе — бо-

²² P. Leser, *Bodenbaugeräte mit Stütztritt*, «Ethnologica», Bd. III, 1927, стр. 285.

²³ H. Roux et Tran Van Chu, *Les tsa khmu*, «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. 27, 1927, стр. 198.

²⁴ H. D a m m, Указ. раб., стр. 65—68.

роздобрающего кола (Furchenstock), во втором — рыхлящего кола с упором для ноги (Trittgrabstock)²⁵. Появление тяглового плуга у народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии следует связывать с доминирующим влиянием индийского очага земледелия, где, по-видимому, был одомашнен буйвол, который стал использоваться для обработки поливных рисовых полей. Миграции тайских народов, а также предков вьетов (вьетнамцев) из Юго-Восточного Китая²⁶, по-видимому, принесли в пределы Индокитая плуг «южнокитайского» типа, который правильнее было бы назвать вьетнамско-тайским плугом. На основе резкого подъема производительных сил, вызванного пашенным земледелием, во Вьетнаме в середине III в. до н. э. возникло первое раннеклассовое государственное образование Аулак.

Следует иметь в виду, что возникновение пашенного земледелия в Юго-Восточной Азии имело предпосылки в виде распространения поливного риса, первоначальных ирригационных систем в долинном и террасном вариантах, разведения буйволов как основного тяглового скота и появление высокоразвитых ручных орудий обработки почвы. Пашенное орошаемое рисоводство, главным образом с буйволовой упряжью с течением веков превратилось в своеобразную земледельческую систему у большинства народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии и составляет характернейшую черту их быта. Но по происхождению эта система не является ни индо-арийской, ни китайской, а создавалась аустроазиатскими, тайскими, частично тибето-бирманскими и аустронезийскими народами.

В распространении в Юго-Восточной Азии орошаемого и плужного земледелия важную роль сыграли мон-кхмерские и тайские народы Юго-Западного Китая и Северного Индокитае, которые расселялись поблизости от очагов domestikации риса и одомашнивания буйвола.

Как видим, изучение различных типов пахотных орудий может дать очень многое как для понимания связи экологии с технологией земледелия, так и для изучения этнической истории. В связи с этим можно привести слова Н. И. Вавилова: «Типы плугов резко отличны в разных странах и по ним можно отличать отдельные земледельческие культуры»²⁷.

Большой интерес для этнографии имеет история жатвенных орудий. В Юго-Восточной Азии широко распространены жатвенные ножи для уборки урожая зерновых, представляющие собой прямоугольные железные лезвия, вставленные в деревянную плоскую оправу, различной формы у разных народов. В Индокитае обычно эта оправа формой напоминает птицу, а у ман та пан на севере Вьетнама — летучую мышь. Лезвие иногда имеет полукруглую форму, как, например, у лава в Таиланде. У наиболее отсталых групп уборка зерновых (риса, проса) производилась до недавнего времени только руками, как, например, у ва в Бирме, биат и стиенгов в Камбодже и Южном Вьетнаме. Эти народы лишь в начале XX в. стали применять металлические серпы. Серп, широко распространившийся в последние столетия в Индокитае, заимствовался сразу теми

²⁵ Н. Kothe, Völkerkundliches zur Frage der neolithischen Anbauformen in Europa, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», I, Berlin, 1953; его же, Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie, там же, II, 1954.

²⁶ А. И. Мухлинов, Древние оу-ло (ау-лак) в Южном Китае и Северном Вьетнаме (К проблеме этногенеза вьетнамцев). КСИЭ, XXXV, М., 1960, стр. 75; Р. Wheatley, Agricultural terracing. Discursive scholia on recent papers on agricultural terracing and on related matters pertaining to northern Indochina and neighbouring areas, «Pacific viewpoint», v. 6, № 2, 1965, стр. 127—132.

²⁷ Н. И. Вавилов, Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, «Природа», 1936, № 2, стр. 81.

народами, которые издавна занимались ручным сбором урожая злаков, тогда как жатвенный нож часто сохраняется у тех, кто с глубокой древности пользовался этим орудием. Эта традиция получает мифологизированное объяснение, по которому рис (или душа риса) может испугаться вида серпа, как жатвенный нож скрыт в руке.

Использование серпа восходит к более древней традиции у народов Ассама и северного Индокитая. Для островного мира Юго-Восточной Азии серп мало характерен и там распространены жатвенные ножи с железным лезвием типа яванского ани-ани, местами — бамбуковые ножи (о-ва Нияс, Флорес, Сумба и Хальмахера), жатвенные кольца и раковины моллюсков.

Жатвенные ножи Юго-Восточной Азии восходят к неолитическим орудиям рыболовческо-собираТЕЛЬСКИХ народов и могут быть генетически связаны с хоабинскими и бакшонскими орудиями эпохи мезолита. Мысль о такой связи была высказана еще М. Колани²⁸.

Все эти соображения подкрепляют гипотезу о том, что наиболее ранние земледельцы Юго-Восточной Азии формировались среди относительно оседлых собирателей рыболовов типа насельников хоабинской и бакшонской культур. Есть все основания полагать, что наряду с клубне- и корнеплодами им было известно просо, для уборки которого применялись ножи из камня или раковины моллюска. Тем самым мы можем ответить на поставленный Г. Коте вопрос, с чем связано распространение жатвенного ножа — с просом или с рисом²⁹. По-видимому, жатвенные ножи появились у народов Юго-Восточной Азии еще до широкого распространения культуры риса и связаны скорее всего с просянными культурами.

Подведем итоги. Как показывает материал по агроэтнографии Юго-Восточной Азии, особенности земледельческой культуры разных народов складываются в определенных исторических условиях и детерминируются прежде всего социально-экономическим развитием и природной средой. Однако эти особенности закрепляются традицией и становятся характерными для отдельных народов на длительный период, постепенно исчезая с появлением у них современного машинного земледелия.

SUMMARY

The authors share some general ideas of G. Gromov and Ju. Novikov («Sov. ethnografia», 1967, № 1), but they cannot accept their neglect of ethnic peculiarities in agricultural technics. Any part of culture having an ethnic peculiarity is at the same time determined by socio-economic and environmental conditions. But once established, the technics of agriculture, set of crops etc. tend to be ethnically fixed for a long period of time. This can be proved by materials on agroethnography of South-Eastern Asia.

²⁸ М. Colani, Указ. раб., стр. 196.

²⁹ H. Kothé, Das Hirsemesser im Furchenstockbau, *Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Birá Sacra*, Budapest, 1959, стр. 340.